

ПРОГНОЗ

Россия и ЕС: диалог интровертов

Озабоченным политикам в будущем придется прислушиваться к гражданскому обществу нового типа. Подробнее для «Д» рассказывает **Федор Лукьянов**, председатель Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

Федор Лукьянов

Ровно десять лет назад, осенью 2009 года, автору этих строк довелось выступать в Берлине на семинаре, посвященном отношениям России и Европейского союза. Участников мероприятия, очень статусных и компетентных представителей политико-интеллектуальной элиты, интересовало, как в Москве видят среднесрочную перспективу.

Кто забыл то интересное время — напомним. В России все активно обсуждали планы и намерения президента Дмитрия Медведева, ведь только что вышла его статья «Россия, вперед!» с серьезной критикой состояния дел и призывом к модернизации. За год после конфликта в Южной Осетии атмосфера кардинально разрядилась, американский термин «resetagenda» вселял надежду, что начинается новый этап между Россией и Западом. В Европейском союзе тоже царило радостное возбуждение. Кризис, связанный с провалом четырьмя годами ранее конституции для Европы, наконец преодолели, готовилось подписание ее облегченной версии — Лиссабонского договора. Горизонт, в общем, прояснился.

На вопрос о перспективе ваш покорный слуга ответил, что определить их весьма непросто, потому что явно предстоят очень большие перемены, и будущее затруднительно предвидеть. Непонятно, что станет со всеми акторами, включая и Европейский союз, например, лет через пять. Аудитория в ответ откровенно рассмеелась. Это, мол, у вас в России никогда ничего не понятно, в ЕС же все довольно точно предсказуемо. Через пять, десять лет и далее будет так же, но лучше (буквальная цитата). На том и разошлись — каждый при своем.

Спустя десять лет это забавно вспоминать, потому что через считанные месяцы начались те самые перемены. Евросоюз, только отпраздновав триумф в Лиссабоне, вступил в долгую череду кризисов, первым из которых стал долговой с кульминацией в Греции. Дальнейшее — миграционная волна, конфликт на Украине, британский референдум и стремительная эрозия привлекательного политического поля в ведущих государствах ЕС на фоне неожиданных разво-

Большой вопрос, есть ли у сегодняшних политиков понимание будущей Европы

альных противоречий. Тех, что были заложены еще в момент окончания Холодной войны. Ну а внутренняя логика все больше определялась исчерпанием прежней повестки развития и мучительными поисками новой.

Сегодня в отношениях России и Европейского союза доминирует настороженность. Это и плохо, и хорошо одновременно. Плохо, потому что доверие очень сильно расшатано предыдущим периодом, прежде всего несбывшимися ожиданиями. Хорошо, потому что те самые несбывшиеся ожидания заметно отрезвили, и теперь стороны гораздо лучше понимают, что возможно, а что — иллюзорные фантазии. Эра возведения «общеевропейского дома», объявленного 30 лет назад, окончательно закрыта. Но это не значит, что стройплощадке теперь суждено за-

го причин. Среди важнейших, конечно, кардинальные перемены в международном контексте. Но есть и одно обстоятельство, о котором вроде бы много говорят, но метода, как на него реагировать, пока не нашлось. Речь идет о демократии и процедуре принятия решений.

Не секрет, что интеграция в Европе, запущенная в начале 1950-х годов, по-настоящему демократическим процессом никогда не была. Это неувидительно. Невозможно вообразить, что Европейское объединение угля и стали, то есть слияние управления стратегическими активами Франции и Германии, состоялось бы, если бы эту идею вынесли на референдум в 1951 году, спустя шесть лет после самой кровавой в истории схватки между этими странами. С того момента и до конца столетия интеграционный процесс оставался сугубо элитарным, решения принимали политико-экономические верхушки на основе просчитанных интересов и экспертных заключений. Однако — важнейшее условие: они всегда были способны объяснить рядовому европейцу, чем то или иное решение выгодно ему лично, что он благодаря этому приобретет.

XXI век изменил такое положение. Интеграция настолько усложнилась, что доходчиво растолковать смысл все более изощренных правовых и бюрократических комбинаций, которые требовались для управления и развития ЕС, стало почти невозможно. Пожалуй, последний из понятных вех стало введение единой валюты евро. Несмотря на противоречивость реакции в Европе и, как теперь понятно, недоучет ряда важных факторов, практические выгоды для населения были легко перечислить. Дальше пошли уже совсем запутанные темы. 800-страничный текст европейской конституции, сложного юридического документа, почти никто из тех, кому было предложено прого-

лосовать за него, постичь не мог. Это касалось и других сюжетов, как прикладных, так и умозрительных, ценностных, необходимых, с точки зрения политического класса, но все менее понимаемых избирателем.

Но здесь проявился удивительный парадокс. Именно на этом этапе одновременного углубления и расширения интеграции к мнению народа принялись обращаться все чаще. Дело в том, что нарастали противоречия внутри элит и между ними, интересы удавалось согласовывать со все более зубовным скрежетом. Так что плебисциты оказались не только и не столько способом легитимировать те или иные решения, но формой выяснения отношений и политическим инструментом (наиболее яркий и катастрофический по последствиям пример — голосование в Великобритании о членстве в ЕС). В результате мнение народа обрело дополнительный вес в общеевропейских делах, но верхние слои общества вместо прежнего объяснения и просвещения взялись за информационно-пропагандистскую дубинку, лишь бы добиться нужного результата. Но как только это произошло, у людей стало крепнуть ощущение, что им «втюхивают» что-то, что нужно кому-то другому, и отчуждение верхов от «базы» проявилось вопиющим образом. Оно получило выражение в пресловутом популизме, который, впрочем, стал оружием не только экс-маргиналов, но и теряющего уверенность в себе мейнстрима.

Благодаря коммуникационной революции голос обрели намного более широкие массы, чем при прежней медиасистеме, достаточно эффективно управлявшейся. Таким образом политические процессы стали заметно демократичнее, но европейская интеграция к такому никогда приспособлена не была. Попытки адаптировать европейские институты, придав им более прозрачный и

демократический характер, пока что приносят обратный эффект. На выборах в Европарламент случился обидный конфуз, когда система «главных кандидатов» от общеевропейских партий, которые честно вели кампанию и работали с избирателями, была просто выброшена в корзину после голосования. Апосты распределялись кулуарным торгом в узком кругу начальства. Вместо легитимации от-

И в России вовлечение более широких масс в коммуникацию воздействует на степень доверия верхушке

крытой процедуры получился утрированный междусобойчик. Соответственно, проблема отчуждения элит от народа не только не решена, а еще и, похоже, усугубилась.

Это имеет прямое касательство к отношениям России и ЕС, потому что обнажает стержневую проблему, которой Европейскому союзу придется заниматься ближайшие годы (как минимум). А именно: выстраивание совершенно нового и гораздо более сложного баланса между властью и обществом, национальным и общеевропейским, ценностным и прагматическим. До тех пор, пока такой баланс не будет нащупан, все прочие вопросы останутся второстепенными, в том числе и российское направление. Замкнутость Евросоюза в себе на предстоящий период — залог его выживания и развития потом на новых основах. Но и предпосылка того, что энергии и ресурсов на активные усилия по позиционированию в мире не хватит.

Совсем по-другому, но не менее насущна аналогичная проблема в России. Легитимность власти с точки зрения ее способности обеспечить развитие государства, общества, каждого конкретного индивида

становится главным условием стабильности и благополучия. И в России, несмотря на очевидные отличия ее политической системы от европейской, вовлечение более широких масс в коммуникацию воздействует на степень доверия к верхушке. Уровень и качество жизни в условиях повышенной «волатильности», как говорят на бирже, волнуют граждан больше, чем внешнеполитические и геополитические темы. Связано это отчасти и с тем, что повестка дня, сформулированная еще в 90-е годы, исполнена — Россия вернулась на мировую арену в качестве игрока первого дивизиона. И это вызывает удовлетворение жителей страны, однако никак не отменяет остальных вопросов. Тем более что линия на «поворот к себе», а то и «уход в себя», лозунг «я прежде всего» — мировая тенденция, начавшаяся с самого мощного государства мира, Соединенных Штатов. В этих условиях русская традиция, согласно которой начальству виднее, особенно в международных делах, руководство знает, что делает, начинает устаревать.

Иными словами, в отношении друг друга Россия и ЕС оказываются двумя интровертами, что предопределяет особый тип общения — сдержанный и осторожный. Романтики продолжают напоминать о том, как много у сторон общего и насколько легче им было бы отвечать на многие вызовы, если бы они объединили усилия. В теории это так, на практике обстоятельства не благоприятствуют. Во-первых, то самое доверие, до его восстановления далеко. Во-вторых, и у России, и у ЕС имеются свои приоритеты, отдельные от другой стороны. У России это Евразия и отношения с Китаем, у ЕС — Евро-Атлантика и отношения с США. В-третьих, неопределенность того, как будет выглядеть структура мирового устройства в следующие десятилетия, заставляет всех игроков быть крайне осмтрительными в обзывающих партнерствах, свобода рук нужна больше, чем когда-либо. Наконец, промежуточное положение Европейского союза — федерация не состоялась, отдельные государства прежнее значе-

Политическая перспектива не самая радужная. В таких случаях принято ссылаться на необходимость повысить роль гражданских обществ

ротов заокеанского патрона — убедительно опровергло снохобителное высокомерие собеседников из не столь далекого 2009-го. Густота катаклизмов явно показала, что происходящее — не случайный сбой, а системная проблема.

Россия с тех пор тоже подтвердила свою репутацию страны постоянно-го «творческого непокоя». Политические ожидания «эры модернизации» сменились иной реальностью, и украинский кризис стал ее катализатором, но не причиной. Жесткий конфликт с Западом оказался кульминацией давно нараставших концепту-

ростать бурьяном. Как бы ни развивались дальше события в мире, взаимодействие в рамках географической Европы продолжится, его невозможно отменить.

Если десять лет назад прогнозировать перемены можно было на основании ощущений, предчувствий, то сейчас они обусловлены зримыми предпосылками. Европейская интеграция той модели, которая блестяще сработала во второй половине XX века, а потом претерпела «апгрейд» к условиям после Холодной войны, больше не функционирует, как планировали. Тому мно-

КОНТАКТЫ

До встречи в Мытищах!

В конце июня в немецком округе Дюрен (земля Северный Рейн—Вестфалия) прошла юбилейная 15-я конференция городов-партнеров России и Германии. Съехалось рекордное число делегатов — более 700. Встреча в 2021 году пройдет в подмосковных Мытищах.

Юбилейная конференция городов-партнеров России и Германии «Партнерства как связующее звено в российско-германском диалоге» проходила в Дюрене, но на торжественное открытие участников собрали в коронационном зале ратуши соседнего Ахена — столицы Франкской империи во времена Карла Великого. Именно здесь с 1950 года вручается престижная европейская награда — премия имени Карла Великого, присуждаемая за вклад в объединение Европы.

«Формат побратимства особенно востребован сегодня на непростом этапе межгосударственных отношений. Он открывает широкие возможности для народной дипломатии, позволяет наращивать прямые контакты между российскими и германскими

гражданами», — говорилось в телеграмме, направленной гостям юбилейного форума президентом РФ Владимиром Путиным.

Помимо совместных встреч, в течение четырех дней форума участники также общались в семи рабочих группах по проблемам энергоэффективности, цифровой экономики, устойчивого развития, культуры и науки, инклюзии, гражданского общества и медицины. Кроме того, несколько позже основного проводился молодежный форум городов-побратимов.

Сам формат побратимских связей появился еще в 1980-е годы, но в последнее время конференция приобрела такой масштаб, что год назад на заседание в Краснодар впервые приехали главы внешнеполитических ведомств двух стран. «Если судить по немец-

ким СМИ, то складывается впечатление, что в Германии процветает русофобия, но стоит поговорить с людьми, представляющими аудиторию этих СМИ, то легко убедиться, что это далеко не так. Напротив, немецкое и российское гражданские общества крайне заинтересованы в сотрудничестве», — отметил на этот раз глава президентского Совета по правам человека Михаил Федотов.

Если в Краснодаре два года назад температура была выше 30 градусов, то теперь жара стояла в Западной Европе — +40! «Но это не испортило атмосферы, и показательно, что в нынешнем году было рекордное число участников», — заверила «Д» одна из участниц встречи, руководитель бюро по кооперации Гессен—Ярославская область Валентина Филинкова. У Ярославской области —

региональное партнерство с землей Гессен, а внутри регионов есть еще города-побратимы, например, у Ярославля это Кассель и Ханау. У истоков их стоит уроженка Ярославской области, первая женщина-космонавт Валентина Терешкова, в 1987–1992 году бывшая председателем президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. «В конце 1980-х делегация области была в Германии и посетила Кассель. Тогда и возникла идея, что у Ярославля нет города-побратима, и Терешкова предложила Кассель: города чем-то похожи, и по структуре, и по истории, обоим больше тысячи лет. В 1988 году подписали договор о дружбе», — говорит Валентина Филинкова. Вслед за ними в 1990-е годы подобные партнерства распространились и на

другие города двух регионов, а затем и между областью и федеральной землей.

Сегодня самая молодая пара побратимов — город-спутник Казани Иннополис и тюрингская коммуна Эльгерсбург, подписавшие в Дюрене договор о партнерстве. Правда, если немецкий партнер известен с XII века, Иннополис был «открыт» только в 2015 году. Партнерские связи самого округа Дюрен на этом фоне выглядят куда более состоявшимися: с городским округом Мытищи они заключили договор в 2011 году. Сайт подмосковного города с тех пор рапортует о разнообразных обменах. Вслед за городами-побратимами Карлсруэ и Краснодаром именно в Мытищах пройдет следующая, 16-я, конференция через два года.

Галина Дудина